

УДК 343.2

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С.А. Балеев

Аннотация

Статья посвящена вопросу дифференциации ответственности соучастников преступления в российском уголовном праве. Отмечается, что в сравнении с прежним уголовным законодательством в действующем УК РФ более детально урегулированы основание, пределы и порядок назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии. Вместе с тем, отдельные проблемы института соучастия остаются нерешенными как законодателем, так и уголовно-правовой наукой, что создает на практике немалые трудности в противодействии организованной преступной деятельности. На основе анализа действующего уголовного законодательства, материалов судебно-следственной практики и концептуальных положений уголовно-правовой доктрины автор статьи высказывает собственное мнение о возможностях разрешения таких проблем и формулирует предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за соучастие в преступлении и преступной деятельности.

Закрепляя принцип справедливости в действующем УК РФ, законодатель по существу раскрывает его содержание через принцип дифференциации уголовной ответственности и наказания, смысл которого заключается в том, что к лицам, совершившим преступление, наказание и иные меры уголовно-правового характера применяются с учетом характера и типовой степени общественной опасности как самого преступного деяния, так и типовой степени общественной опасности личности виновного.

С учетом особенностей отдельных форм преступных проявлений, законодатель закрепил не только общие, но и специальные правила регулирования пределов уголовной ответственности и наказания. Так, правовое регулирование пределов ответственности и наказания соучастников имеет определенную специфику. Законодатель определяет их не только с учетом характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, но и в зависимости от формы соучастия, вида соучастника и его индивидуального вклада в общий преступный результат.

Это прямо вытекает из содержания ч. 1 ст. 67 УК РФ, где предусмотрены дополнительные к общим началам назначения наказания критерии: учет характера и степени фактического участия лица в совершении преступления; значение этого участия для достижения цели преступления; его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда.

Особо активная роль в совершении преступления, а также его совершение в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) признаются отягчающими обстоятельствами, (п. «г», «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а потому влекут более строгое наказание (ч. 7 ст. 35 УК РФ).

Наряду с регламентацией пределов ответственности и наказания за соучастие в нормах Общей части, законодатель закрепляет их в санкциях 84 статей Особенной части УК РФ, в которых формы соучастия в преступлении выступают в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков состава преступления.

В ряде статей Особенной части УК (ст. 208, 209, 210, 212, 239, 279, 282.1, 282.2) форма соучастия в преступной деятельности является конструктивным признаком объективной стороны основного состава преступления.

Представляется очевидным, что в сравнении с прежним уголовным законодательством в действующем УК РФ более детально урегулированы основание, пределы и порядок назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии. Вместе с тем, отмечая определенные позитивные сдвиги в совершенствовании института соучастия, нельзя не видеть и серьезных проблем в этой сфере, которые остаются нерешенными как законодателем, так и уголовно-правовой наукой. Следует констатировать, что с момента принятия УК РФ 1996 года по настоящее время институт соучастия практически не подвергся каким-либо изменениям и дополнениям, хотя пробелов еще достаточно много.

Так, вряд ли можно признать последовательной позицию законодателя в попытках противодействия организованной преступности. На наш взгляд, это проявляется в том, что, во-первых, в отдельных составах наказание не дифференцируется в зависимости от формы соучастия, поскольку оно одинаково для всех групп, описанных в ч. 1–3 ст. 35 УК РФ (12 статей УК), или для организованной группы и группы лиц по предварительному сговору (25 статей УК).

Во-вторых, существенным недостатком, создающим на практике немалые трудности в борьбе с организованными преступными формированиями, является отсутствие в уголовном законе четких определений организованной группы и преступного сообщества с указанием конкретных признаков, присущих каждому из этих преступных объединений и различающих их между собой.

Требует разрешения вопрос об определении основания и пределов ответственности за организационную преступную деятельность. Ведь усложнившиеся организованные структуры преступности обусловили появление определенного слоя в преступной среде, состоящего из лидеров – организаторов преступной деятельности, которые фактически оказались вне досягаемости уголовного закона.

Анализ действующего законодательства показывает, что к организованным формам соучастия (преступное сообщество, преступная организация, банда, террористическое объединение) применяются те же положения, что и к сложному и групповому соучастию. Вместе с тем, представляется, что это вряд ли эффективно, поскольку в данном случае, во-первых, не учитываются особенности организованной преступности и ее вредоносности и, во-вторых, имеет место подход к ее субъектам на равных условиях с любым лицом, совершившим любое преступление.

Так, в ч. 5 ст. 35 УК РФ подчеркивается, что лицо, создавшее преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее им, подлежит уголовной ответственности за его организацию и руководство им в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, а также за совершенные им преступления, если они охватывались его умыслом.

Характеризуя современное состояние преступности в России, М.И. Ковалев писал: «...пышным цветом расцвела организованная преступность, появились и размножились банды так называемого наркобизнеса, бичом цивилизованного мира стали международный терроризм, воздушное пиратство. Таким образом, по-новому выглядит соучастие в преступлении, а следовательно, возникают новые уголовно-правовые и криминологические аспекты этого уголовно-правового института» [1, с. 6].

Применительно к ответственности за организационную преступную деятельность (ч. 5 ст. 35 УК РФ) М.И. Ковалев считал необходимым ее законодательное уточнение. Речь идет о словах «если они охватывались его умыслом». Он пишет: «Такая формулировка ограничивает возможность ответственности главарей преступного сообщества умыслом на конкретные преступления. Преступные сообщества бывают столь мощными и разветвленными, а их руководство многоступенчатым и строго иерархичным, что высшие руководители (главари) могут и не знать об отдельных преступлениях, совершенных в рамках деятельности объединения и в его интересах. По моему мнению, указанные лица должны отвечать и за такие преступления» [1, с. 174].

Представляется, что, признавая уголовно наказуемой организационную деятельность лишь в отдельных составах Особенной части УК, законодатель ограничивает сферу уголовно-правового воздействия на организованную преступность, оставляя вне криминализации лиц, осуществляющих общее руководство преступными объединениями. Для того чтобы организаторы преступного сообщества (преступной организации) не смогли уйти от ответственности за преступную деятельность созданных и руководимых ими групп, считаем целесообразным законодательную формулировку об ответственности организатора (ч. 5 ст. 35 УК РФ) изложить в следующей редакции: «Лицо, создавшее преступное объединение, руководившее им, а равно создавшее условия для преступной деятельности такого объединения, подлежит уголовной ответственности за сам факт создания, руководства либо создание условий для преступной деятельности, а также за совершенные преступным объединением преступления, если они совершены в интересах этого объединения и соответствовали его целям».

Положения ст. 5 и 25 УК РФ сформулированы по отношению к конкретному человеку, совершившему конкретное преступление. У организатора преступного сообщества умысел не характеризуется такой определенностью и конкретностью. Он зачастую действует с неопределенным умыслом. Поэтому основания и пределы субъективного вменения для этой категории преступников должны пониматься несколько иначе, чем для конкретного совершающего преступление исполнителя (соучастника). Мы согласны с мнением В.А. Якушина, полагающего, что для приведения ответственности организаторов преступной деятельности в соответствие с принципом субъективного вменения в уголовном

законе необходимо определить понятие вины не только по отношению к конкретному и отдельному преступлению, но и к их совокупности [2, с. 17].

Несмотря на позитивность многочисленных научных исследований института соучастия в преступлении, и некоторые другие аспекты учения о соучастии до настоящего времени также не получили окончательного научного разрешения.

Так, до сегодняшнего дня не нашел исчерпывающего решения вопрос о классификации соучастия на формы, хотя, как это отмечалось, форма соучастия является одним из важнейших критериев дифференциации ответственности за преступление, совершенное в соучастии.

На наш взгляд, исходя из положений действующего уголовного закона, может быть предложена классификация, которая основывается на объективном критерии – характере совместности (характере участия в преступлении). Мы предлагаем формами соучастия рассматривать: 1) соучастие в тесном смысле слова (сложное соучастие), 2) групповое соучастие (соисполнительство), 3) соучастие особого рода.

В первом случае речь идет о соучастии с юридическим разделением ролей, ответственность за которое предусмотрена ст. 33 и 34 УК РФ.

Групповое соучастие выделено законодателем в ч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ. Уголовно-правовые признаки группы лиц и группы лиц по предварительному сговору достаточно проработаны в теории, а потому квалификация преступных деяний участников таких групп не вызывает затруднений у правоприменителя.

Вместе с тем, чем выше степень соорганизованности соучастников, тем выше общественная опасность этого преступного объединения, что и предопределило необходимость выделения законодателем в ст. 35 организованной группы (ч. 3) и преступного сообщества (преступной организации) (ч. 4).

Представляется, что последние две разновидности совместной преступной деятельности двух и более лиц в полной мере не охватываются рамками традиционного понимания института соучастия, поскольку, во-первых, могут сочетать в себе элементы группового соучастия (соисполнительства) и сложного соучастия (с юридическим разделением ролей), во-вторых, представляют собой соучастие особого рода, сущность которого состоит в создании и участии в преступном объединении, целью которого является не совершение единичного преступления, а преступная деятельность.

Если организация и участие в преступном сообществе законодателем признаны самостоятельными составами преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, то создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, влечет ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана (ч. 6 ст. 35).

По существу же организованная группа является формой организованной преступности, борьба с которой требует значительно более жесткой уголовно-правовой политики. Поэтому вне зависимости от конкретного состава преступления общественная опасность организованной группы при прочих равных условиях объективно значительно выше опасности группы лиц по предварительному сговору и, тем более, группы лиц.

Уровень общественной опасности организованной преступной группы должен лежать в основе ужесточения ответственности организаторов и участников таких объединений. Поэтому нивелирование законодателем пределов ответственности участников различных по уровню общественной опасности групповых преступных образований, когда в ряде статей Особенной части УК РФ виды преступной группы изложены в одной части (пункте) и равным образом влияют на наказание, представляется неудачным.

Считаем необходимым провести в уголовном законе дифференциацию мер ответственности соучастников в зависимости от характера преступного объединения, для чего во всех этих статьях совершение преступления в составе организованной группы должно рассматриваться как особо квалифицирующий признак.

Summary

S.A. Balejev. The differentiation of the joint offenders responsibility.

The article is devoted to the differentiation of joint offenders responsibility in Russian criminal law. It is noted that in comparison with previous criminal legislation in the current Criminal Code of Russian Federation, cause, limits and procedure of punishment assignment for the offence committed in privity is more particularly adjusted. But still, separate problems of the conspiracy institution remain unsettled by both the legislator and criminal legal science. In practice, it engenders many difficulties in countering to the organized crime activity. The author opinion on possible solutions is based on the current criminal legislation analysis, materials of the adjudicative and investigative practice and conceptional principles of the criminal legal doctrine. Suggestions on improving criminal legal norms, regulating the responsibility for conspiracy in the offence and criminal activities are formulated.

Литература

1. *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. – Екатеринбург, 1999. – 280 с.
2. *Якушин В.А.* Противодействие организованной преступности: проблемы и возможности // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной преступностью. – Ярославль, 2004.

Поступила в редакцию
11.09.07

Балеев Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского государственного университета.